

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ
ЕГОР ГОРЯЧЕВ

СОМБРА

Александра Шервинская

Егор Горячев

Сомбра

<https://litres.ru/73962084>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, пытаясь сбежать от проблем, мы попадаем в ловушку, из которой нет выхода.

Александр Мельников — человек, потерявший всё: семью, деньги, веру в будущее. Надеясь начать новую жизнь, он оказывается в Сомбре, странном городе, которого нет на картах. Выясняется, что его знают все, но сам он не помнит, чтобы хоть когда-то бывал здесь. Жители Сомбры следуют странным правилам, за нарушение которых полагается суровое наказание. С каждым днём Александр всё дальше от себя настоящего, реального. Постепенно им овладевает единственное желание: вырваться из взявшего его в плен места.

Чем дольше он остаётся в Сомбре, тем сильнее теряет себя. Кто он на самом деле? Можно ли сбежать от собственной тени, от самого себя и от своего прошлого? И как спастись, как выбраться из места, которого нет? Что ждёт тебя там, за границей города? Спасение или новая ловушка?

Содержание

Часть первая. Точка невозврата. Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александра Шервинская, Егор Горячев Сомбра

Часть первая. Точка невозврата. Глава 1

Говорят, у каждого города есть душа.

У Москвы она яркая, шумная, торопливая, вечно спешащая по каким-то неотложным делам, нервно сигналищая в бесконечных и неизбежных «пробках».

У Петербурга — холодная, бледная и надменная, снисходительно смотрящая на тебя из окон роскошных дворцов и отражающаяся в стильной воде бесчисленных каналов.

У Сомбры души нет. Её заменяет тишина, густая, как смола, и такая же вязкая. Она залепляет уши, заставляет сердце биться через раз.

В этом городе нет души, потому что здесь правит голод. Точнее, даже так — Голод. С большой буквы, потому что именно ему подчинено всё, чем живёт Сомбра.

Он не похож на обычную потребность в пище, которую в

тот или иной момент испытывает каждый человек. Он не заставляет нас оглядываться в поисках любой более или менее приличной забегаловки. Он — другой.

Голод — это тишина, звенящая в ушах, когда в самый неподходящий момент глохнет мотор машины, а до ближайшего жилья — десятки километров. Это липкий холодный туман, который не рассеивается даже в полдень, а лишь становится плотнее, превращая мир в размытую акварель.

Голод живёт в пустых глазницах окон, за которыми горит свет, но нет движения. Он скрипит ржавыми качелями на детских площадках, где песок давно стал с асфальтом однородной серой массой.

Город помнит абсолютно всех. Он бережно собирает последние вздохи, растворившиеся в сыром воздухе подвалов, хранит голоса в белом шуме радиоприёмников, а лица — в пыльных бумажных альбомах, забытых на столах, словно в декорациях к фильму, съёмки которого отменили много лет назад.

Сомбра не убивает быстро. Она переваривает медленно, смакуя каждый оттенок страха: от лёгкого недоумения до обжигающего животного ужаса и ледяного, парализующего отчаяния.

Тени, давшие городу имя, здесь живут своей жизнью. Они слишком длинные в полдень и слишком густые ночью. Иногда они движутся раньше, чем ты сам успеваешь шагнуть. А в зеркалах... В зеркалах иногда мелькает не твоё отражение.

Оно улыбается чуть шире, чем нужно, и моргает с опозданием на долю секунды.

Сомбра ждёт. Она всегда ждёт. Дорога сюда никогда не бывает случайной. Это не ты находишь город. Это город находит тебя.

Я брезгливо отодвинул от себя яркий бумажный стаканчик. Кофе в придорожной забегаловке с поэтичным названием «У Толика» напоминал по вкусу жжёную резину, но это была последняя цивилизованная порция кофеина на ближайшие, как я предполагал, километров триста. Интересно, почему в большинстве таких заведений посуда одноразовая? Чтобы не нанимать отдельного человека? Или чтобы особо буйные дальнбойщики не побили при выяснении отношений? Впрочем, какой смысл врать самому себе: интересно мне не было. Мне вообще было наплевать, во что сонная продавщица налила мне эту бурду: в стаканчик, в чашку или в пластиковую бутылку.

За плохо вымытым окном уныло моросил дождь, превращая и без того тоскливый осенний пейзаж в размытое акварельное пятно. Идеальная погода, чтобы наложить на себя руки или попытаться сбежать от проблем. До первого варианта я пока всё же не дошёл, остановившись на втором.

Я кинул на стол мятую купюру. Пора было выбираться из этой дыры, пока дождь не полил ещё сильнее и не превратил и без того не самый новый асфальт в сплошную полосу пре-

пятствий.

— Сдачи не надо, — бросил я официантке, даже не посмотрев в сторону прилавка. Её унылое «спасибо» потонуло в шипении старого радио, из которого доносился какой-то тошнотворно-оптимистичный хит девяностых.

Моноotonно поскрипывали «дворники», уже не просто разгоняя капли дождя, а размазывая по стеклу омывайку пополам с грязью. Ещё недавно я обязательно остановился бы, вышел из машины, протёр бы фары и лобовое стекло, но сейчас мне было совершенно всё равно. Дорога была практически пуста, что по такой погоде и неудивительно — немногочисленные встречные машины казались призрачными тенями, скользящими в пелене дождя и тумана. Не могу сказать, что это сильно меня расстраивало: бьющий по глазам свет фар — это то ещё удовольствие.

Пользуясь отсутствием других автомобилей, я включил «дальний» и бездумно смотрел, как мокрый асфальт, то здесь, то там покрытый водой, летит навстречу. Радио ловило только шипение и обрывки песен, поэтому я, поморщившись, выключил его. Прибавил газу, чувствуя, как машина набирает привычную сотку. Быстрее ехать было опасно — мокрый асфальт и плохая видимость превращали дорогу в русскую рулетку. Но и медленнее было невыносимо. Я просто хотел уехать. Далеко. Как можно дальше.

Внезапно мотор чихнул, потом снова заработал, затем опять сбился, взвыл в последний раз и затих.

Тишина, обрушившаяся на меня, была абсолютной. Не было ни привычного гула шоссе вдалеке, ни стука дождя по крыше. Только звенящая пустота в ушах и гулкие удары моего сердца. Я повернул ключ зажигания ещё раз. Ничего. Стартер издал жалобный, умирающий стон.

— Да чтоб тебя... — выдохнул я в пустоту салона.

Я вышел из машины, и холод тут же пробрал до костей. Отсутствие других машин моментально перестало радовать: так остановил бы кого-нибудь, чтобы помог. На трассе, как правило, находятся те, кто всегда поможет попавшему в беду брату-автомобилисту. С каждым годом таких людей, правда, всё меньше, и не исключено, что через несколько лет их останется примерно столько же, сколько уссурийских тигров — одна штука на двести квадратных километров.

Мир за лобовым стеклом изменился до неузнаваемости. Дождь прекратился, но вместо него сгустился туман. Он был не просто белым, а каким-то грязно-серым и плотным, как вата. Он не клубился, а стоял сплошной, непроницаемой стеной, съедая дорогу впереди и позади.

Я хлопнул дверью машины чуть громче, чем требовалось, и щелчок замка прозвучал в ватной тишине, как выстрел. Оглядевшись и не увидев ровным счётом ничего, я попытался определиться с дальнейшими действиями. Впрочем, вариантов было не так чтобы много: стоять или идти.

Можно, конечно, забраться в машину, включить печку и ждать, пока не кончится бензин: так как заправлялся я

недавно, то до утра вполне может хватить. А там, глядишь, кто-нибудь и остановится, заметив на обочине попавшего в беду водителя. Осталось только придумать, как завести машину, у которой сел двигатель. Сидеть же в холодном автомобиле мне не хотелось абсолютно: только насморка и кашля мне плюс ко всем остальным проблемам и не хватало! Идти в туман было откровенно страшно, но торчать здесь, рядом с мёртвым куском железа, было ещё хуже. Опять же: куда двигаться-то? Вперёд? Назад?

Я достал из кармана телефон, убедился, что батарея почти полностью заряжена, и включил фонарик. Луч света был слабым и желтоватым, он вяз в тумане, словно в киселе, выхватывая из темноты лишь пару метров мокрого асфальта. Я осветил по сторонам — ничего, только серая неподвижная мгла. Даже если я и проехал совсем недавно мимо какой-нибудь деревни, то в тумане всё равно не смог её разглядеть. Да и не было на карте никаких деревень на ближайшие пару сотен километров.

Да уж, «широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек...» А деревень вдоль дороги — мало. Во всяком случае, карта, которую любезно предоставил мне Яндекс, когда ещё была сеть, показывала полное отсутствие цивилизации.

Сделав вперёд несколько шагов, я остановился и оглянулся на свою машину — тёмный силуэт, сиротливо стоящий на обочине. Ещё мгновение назад он был там, но теперь его не

было. Неужели я ушёл так далеко?

Я моргнул, пытаюсь как-то уложить в голове происходящее, но мозг, привыкший к рациональному и логичному восприятию действительности, отказывался делать хоть какие-то выводы. Разум подсказывал, что уйти настолько далеко я просто не успел бы, а какое-то шестое чувство, о существовании которого у себя я даже не подозревал, шептало, что всё так, как я вижу, и никакая логика тут уже не поможет. Ни отблеска фар, ни контура машины. Ничего. Будто её никогда и не было. Или будто туман просто решил стереть её из реальности.

Между тем, туман сгустился, превратившись в сплошную, непроницаемую стену. Я снова зачем-то посветил фонариком назад — луч света упёрся в серую мглу и погас, словно впитанный ею. «Сожранный...» — почему-то возникло в голове, и я почувствовал внезапный озноб.

Паника ледяной иглой кольнула где-то под рёбрами, дыхание сбилось, стало поверхностным и частым. Я вдруг с кристальной ясностью понял, что остался один. Абсолютно один в этой ватной пустоте. Идти назад было бессмысленно. Оставалось только вперёд.

Я сделал шаг. Потом ещё один. Туман обволакивал ноги, цеплялся за джинсы холодными мягкими лапами. Дождя не было, но воздух был так насыщен влагой, что она оседала мелкими капельками на куртке, на волосах, на телефоне, который я по-прежнему держал в руках. Мелькнула мысль о

том, что надо бы его убрать, всё равно толку практически никакого: туман такой, что любой фонарик становится бесполезным, а вот батарею стоило бы побереечь. Но я почему-то упрямо продолжал держать телефон в руке.

Постепенно моё дыхание выровнялось, я начал шагать достаточно уверенно, и даже хмыкнул, подумав о том, что эта асфальтовая лента вполне может превратиться в сказочную дорогу из жёлтого кирпича. Я, конечно, мало похож на девочку Элли, да и пса Тотошки у меня нет, а вот Страшила или Железный Дровосек в таком тумане вполне могут найтись. Главное, чтобы там не обнаружился Людоед или кто-то в этом духе.

Эти мысли слегка взбодрили меня, и я наконец-то убрал в карман бесполезный телефон, чтобы не оказаться в нужный момент ещё и без связи.

Вокруг по-прежнему царил абсолютная тишина, поэтому каждый звук — хруст гравия под ботинком, моё собственное хриплое дыхание — казался нереально громким в этой ватной тишине.

А потом я услышал то, чего здесь не могло быть ни при каких условиях, ну вот просто не могло быть, и всё тут! Этот звук был настолько чуждым и неуместным, что сначала я решил, что у меня начались слуховые галлюцинации.

Тихий, металлический скрип, размеренный и повторяющийся через равные промежутки времени. Такой знакомый и оттого ещё более жуткий скрежет, негромкий, но в окру-

жающем безмолвии кажущийся оглушительным. Я прекрасно помнил этот звук... скрип несмазанных качелей.

Я замер, не в силах не то что шагнуть, а даже вздохнуть. Откуда здесь могут взяться качели?! Если я правильно помнил карту, то тут кругом сплошные леса и непролазные болота. И кто, прости Господи, мог на них качаться ночью, в сплошном тумане? Леший, что ли? Бред какой-то...

Скрип прекратился так же внезапно, как и начался. Тишина вернулась, став ещё более давящей. Я с огромным трудом заставил себя двигаться дальше. И через несколько десятков шагов произошло чудо.

Туман начал редеть. Не рассеиваться в никуда, а именно редеть, превращаясь из сплошной стены в рваные клочья грязной кисеи. А за ним... за ним проступил свет.

Сначала это было просто тусклое, размытое пятно ядовито-оранжевого цвета. Моё сердце, только что колотившееся где-то в горле от страха, пропустило удар. А потом забилось с удвоенной силой, но уже не от ужаса.

Впереди был свет! Самый настоящий, живой, тёплый, обещающий защиту и поддержку. Я присмотрелся: это был свет уличных фонарей. Настоящий электрический свет. Не костёр в лесу, не фары случайной машины, а ровное, спокойное сияние цивилизации. Значит, там люди. Электричество. Помощь!

Я почти побежал вперёд, позабыв про усталость и страх. Туман расступался неохотно, словно не желая выпускать до-

бычу, но с каждым шагом сияние становилось ярче, обрело форму.

И тут я снова услышал его. Скрежет металла по металлу. Протяжный, вибрирующий скрип несмазанных качелей.

Но в этот раз всё было иначе. Во-первых, звук был ближе. Гораздо ближе, чем в первый раз. Казалось, он доносился не из какого-то непонятного далека, а из тумана всего в паре метров слева от меня. Во-вторых, он был ритмичным. Не просто случайный скрип от ветра. Кто-то раскачивал качели. Скрииииип... Пауза... Скрииииип...

Я замер как вкопанный, чувствуя, как ледяной пот выступает на лбу. А затем произошло то, от чего волосы на затылке встали дыбом.

Скрип прекратился. Внезапно. На середине амплитуды. Как будто качели замерли в воздухе.

И в этой оглушительной тишине я услышал новый звук, который донёсся оттуда же, из тумана. Тихий, едва различимый смешок. Детский? Женский? Или просто ветер издевательски засвистел в проводах? Я не смог разобрать, но был абсолютно уверен в одном: этот смех адресован мне.

Я сглотнул, чувствуя привкус меди во рту — кажется, я до крови прикусил губу, сам того не заметив. Мысли о том, чтобы пойти и посмотреть, у меня даже не возникло: чувство самосохранения ещё не отказало окончательно.

Свет города впереди манил обещанием спасения. Я заставил себя сделать шаг. Затем ещё один. Стараясь не думать о

том, что сейчас смотрит мне в спину из молочной мглы.

Глава 2

Я шагал в сторону спасительного света, изо всех сил стараясь не переходить на бег, и, как ни странно, мне это удавалось. Туман становился всё прозрачнее, постепенно превращаясь в лёгкую дымку.

Город не выплыл из тумана, он проступил сквозь него, проявился, как старая фотография. Сначала — размытые силуэты островерхих крыш на фоне свинцового неба. Затем — стройные ряды столбов с электрическими проводами и фонарями странной, непривычной формы. Ровные улицы, не асфальтированные, а выложенные брусчаткой, как в маленьких европейских городках. Ходить по таким камням страшно неудобно, но они, несомненно, создают определённую историческую достоверность. В любом случае брусчатка лучше, чем обычная пыльная грунтовка.

Я смотрел на спящий город и удивлялся соразмерности и удивительной правильности: улицы шли ровно, никуда не сворачивая, и терялись у ночном сумраке, который не разгонял свет фонарей. Да и туман ещё рассеялся не до конца. Дома выстроились, как по линейке, спрятавшись за одинаковыми невысокими деревянными заборчиками. Может быть, конечно, это мне повезло, и я попал на самую аккуратную часть, но, скорее всего, весь город был таким.

О том, что на карте не было никакого города, я просто

не думал: мало ли по каким причинам Яндекс про него забыл? Или я просто смотрел невнимательно, хотя это, конечно, вряд ли: нет у меня такой привычки. Но так ли это важно сейчас? Главное — я добрался до цивилизации, значит, теперь всё точно будет хорошо.

Я стоял на окраине города, и мне казалось, что я спасён.

А потом я пересёк границу.

Это не было похоже на удар током или внезапную боль. Это было похоже на то, как если бы кто-то невидимый и холодный запустил руку прямо мне в череп и мягко, но настойчиво сжал мозг. Мир на мгновение сжался до одной-единственной точки, потом рассыпался на миллион осколков, а затем снова собрался, только уже совершенно иным.

В ушах зазвенело — тонко, пронзительно. Звон нарастал, вытесняя все остальные звуки, а затем так же резко оборвался, оставив после себя ватную, звенящую тишину.

И вместе с этой тишиной пришло другое чувство. Ощущение... неправильности. Не страха, нет. Именно глубокой неправильности происходящего. Как будто в хорошо знакомую картину вставили деталь из другого пазла. Я вдруг с кристальной ясностью осознал две вещи: во-первых, я никогда не найду свою машину. Не потому что её не просто не видно в тумане, а потому что её никогда не существовало. И не только её, но и завода AutoAlliance в Тайланде, а может, и самого Тайланда.

Стоило мне об этом подумать, как туман расступился

окончательно, раскрылся, словно занавес в театре, и я шагнул на брусчатку.

Первое, что я заметил, — это тишина. Не ватное безмолвие тумана, а другая, гулкая, звенящая. В любом городе должны быть звуки: далёкий гул мотора, лай собаки, музыка из приоткрытого окна. Здесь же не было ничего. Только мягкий шорох моих собственных кроссовок по мокрым камням.

Я поднял голову.

На солидном столбе висел знак. Металл по краям проржавел, краска слегка облупилась, но надпись ещё читалась: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОМБРУ». Ниже, на прибитой жестяной табличке, кто-то криво вывел свежей, не успевшей потемнеть краской: «ВЫ ПРИБЫЛИ. ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ».

Я хмыкнул. Очень смешно. Местный юмор на уровне деревенских страшилок у костра.

Но смеяться расхотелось, когда я огляделся по-настоящему.

Город был... идеальным. Слишком правильным, как нарисованная на компьютере и пропущенная через нужные программы картинка. Как декорация к фильму, который снимают уже сотый дубль, и все, включая режиссёра и актёров, смертельно устали.

Я медленно пошёл вперёд, внимательно глядя по сторонам и пытаюсь понять причину тревоги, которая возникла в глубине души и никак не желала исчезать. Наоборот, она

крепла с каждой минутой, и я уже с трудом держал себя в руках.

Улица, начинавшаяся сразу на столбом со странными табличками, вела прямо, никуда не сворачивая, и я решил, что она непременно приведёт меня куда-нибудь в центр. Ну а там уж я разберусь: отыщу отделение полиции или, на худой конец почту или какое-нибудь подобие администрации. Город немаленький, значит, в нём наверняка есть или мэр, или губернатор или какой-то иной градоначальник.

Как я и предполагал, минут через двадцать, в течение которых я шёл мимо совершенно одинаковых домов, я добрался до площади. Была она центральной или нет, я, естественно, не знал, но тут хотя бы появились признаки цивилизации.

Прямо на углу улицы, по которой я пришёл, и площади стояло приземистое здание с вывеской «ПРОДУКТЫ». В центре журчал фонтан, а за ним просматривалось что-то похожее на мэрию или дом культуры: двухэтажное здание с колоннами и широким крыльцом. Чуть дальше по курсу виднелась афишная тумба, а за ней — двухэтажное строение с широкими дверями, которое я мысленно почему-то окрестил кинотеатром. На других домах тоже были какие-то вывески и таблички, но я не мог рассмотреть, что именно на них было написано.

Я медленно двинулся, обходя площадь по кругу и стараясь не паниковать из-за того, что мне по-прежнему не встретилось ни одного человека. Я понимал, что на дворе ночь,

но в любом городе всегда есть те, для кого время суток не имеет принципиального значения.

И свет. Этот странный оранжевый свет, так обрадовавший меня сначала. Он лился из окон и уличных фонарей странной, вытянутой формы, заливал улицу, превращая мокрую брусчатку в зеркало, в котором отражались пустые дома.

Я замедлил шаг у окна продуктового магазина. Внутри было темно, но я разглядел заполненные товарами полки и кассовый аппарат на прилавке. Попытка зайти успехом не увенчалась: дверь была заперта, что, в общем-то, было вполне естественным. Я на всякий случай пару раз с силой дёрнул ручку, но замок был крепким.

Та же картина ждала меня и в других магазинах, мимо которых я шёл.

«Ткани»... «Кофейня»... «Булочная»... «Канцелярские товары»... Всё как в любом другом городке любой страны.

Знакомый знак в виде большого красного креста я увидел издали и решительно направился туда: уж в аптеке-то должны быть люди! Я в два прыжка преодолел несколько ступеней и потянул на себя дверь аптеки. Она дрогнула, но не открылась и, присмотревшись, я увидел, что изнутри дверь заперта на внушительный засов. Но ведь кто-то же его задвинул! Значит, там внутри должен быть аптекарь или его помощник! Я громко постучал, но звук утонул в окружающей тишине, став каким-то блёклым, глухим, словно пересушенным.

— Мне нужен полицейский участок, — пробормотал я негромко, желая хотя бы своим голосом нарушить давящее безмолвие.

Пустая аптека стала последней каплей. Я понял, что просто заглядывать в окна магазинов бессмысленно. Мне нужны были ответы, а значит, нужно было найти место, где они должны быть по определению. Полиция. Администрация. Хоть кто-то, кто должен поддерживать порядок в этом чёртовом городе.

Я оглядел площадь более осмысленным взглядом. Здание с колоннами, которое я принял за дом культуры, при ближайшем рассмотрении больше походило на мэрию или какое-то административное учреждение. Но мне нужен был именно участок. Место, где есть камеры, оружие и, возможно, рация, по которой можно вызвать помощь.

Моё внимание привлёк дом на противоположной стороне площади. Он был поменьше и попроще административного здания: одноэтажный, с плоской крышей и решётками на окнах первого этажа. Над входом висела простая, строгая вывеска: «ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК №4». Цифра «4» была отлита из металла и выглядела так, будто её прикрутили ещё в царские времена.

Я почти бегом пересёк площадь. Дверь участка была приоткрыта, и это вселяло робкий оптимизм. Не распахнута настежь в панике, а именно приоткрыта — так, словно кто-то вышел на минуту покурить и сейчас вернётся. Это было пер-

вое место в городе, которое не было наглухо заперто.

— Эй! — мой голос прозвучал неожиданно для меня самого жалко и тихо. Я прочистил горло и попробовал снова, уже громче и решительнее. — Эй! Есть кто? Полиция?

Тишина была мне ответом. Гулкая, тяжёлая тишина. Кажется, я на всю оставшуюся жизнь возненавижу тишину и буду включать что угодно, лишь бы слышать хоть что-то.

Я толкнул дверь. Она подалась с лёгким скрипом, от которого я вздрогнул: он слишком напомнил мне странных скрип, который я слышал на подходе к городу со странным названием Сомбра.

Внутри пахло пылью, дешёвым кофе и застарелым табачным дымом. Вдоль стены тянулся знакомый до боли «обезьянник», отделённый решёткой от зоны для посетителей и рабочих мест.

На одном из двух столов лежала стопка бумаг. Я подошёл ближе. Это был какой-то протокол. Я пробежал глазами по строчкам, не вчитываясь в смысл: «...по адресу ул. Ленина, д. 5... гр. Иванов... драка...». Бумага была заполнена аккуратным, убористым почерком. Ручка лежала тут же, рядом с календарём и коробкой скрепок.

На другом столе стояла большая эмалированная кружка с остатками кофе на дне. От неё всё ещё исходил едва уловимый аромат. Рядом лежал надкушенный пончик в сахарной пудре.

Я обошёл стол и увидел то, что искал — или боялся найти.

В углу стоял массивный сейф с приоткрытой дверцей. Пустой. На полках — ничего. Рядом на полу валялась пустая кобура.

— Какого чёрта... — прошептал я.

Мой взгляд упал на пол у стола: там лежал полицейский жетон. Я поднял его. Металл был ещё тёплым, или мне просто так показалось? На жетоне была выбита цифра «14» и фамилия: «Смирнов».

И тут я заметил дверь в дальнем конце комнаты. На ней висела табличка: «АРХИВ». Дверь была чуть приоткрыта, и из-за неё пробивалась полоска такого же оранжевого света.

Внутри меня всё сжалось от дурного предчувствия, но я должен был проверить. Я медленно подошёл к двери и распахнул её. Я готов был увидеть всё что угодно, даже несколько трупов. Это было бы ужасно, но хотя бы понятно.

Архив оказался небольшой комнатой без окон, заставленной стеллажами с папками. В центре стоял старый катушечный магнитофон «Маяк». Он был включён. Катушки медленно вращались, но плёнка была заправлена неправильно — она просто крутилась вхолостую, издавая едва слышное шуршание и гул. А рядом с магнитофоном лежала рация. Старая, советская, с длинной антенной. На ней горел зелёный индикатор питания. Я схватил её дрожащими руками и нажал на кнопку передачи.

— Приём! Приём! Меня кто-нибудь слышит? Это... это гражданский! У меня чрезвычайная ситуация! Я в Сомбре!

Приём!

В ответ — только тихое шипение эфира. Я крутил ручку настройки, менял частоты. Ничего. Ни единого голоса. Только белый шум.

В отчаянии я швырнул рацию обратно на стол, она глухо стукнулась о столешницу и осталась лежать там, бесполезная, как и всё в этом проклятом месте.

Я вышел из архива, а затем и из самого участка, пятясь, как будто боялся повернуться спиной к этой мёртвой тишине. Дверь за мной закрылась с тем же тихим скрипом.

Я стоял на крыльце и смотрел на пустую площадь. Полицейский жетон в моей руке казался свинцовым. Если даже полиция... если даже они не смогли...

Куда же все делись?

Но если отсутствие людей ночью в торговых точках я мог себе спокойно объяснить, то пустая аптека и безлюдный полицейский участок повергли меня в состояние, близкое к панике. Куда могли подеваться все жители города? Ведь на полках лежат товары, в аптеке горит свет, а в полицейском участке стоит кружка с ещё тёплым кофе!

Я подошёл ближе к следующему дому — обычному жилому дому с аккуратным синим заборчиком. Собравшись с духом, сделал ещё один шаг и прижался лицом к холодному стеклу. Любопытство боролось с остатками воспитания. Меня всегда учили, что заглядывать в чужие окна — это верх неприличия. Но что делать, если это единственный доступ-

ный мне способ разжиться хоть какой-то информацией!

Шторы не были задёрнуты, и в помещении горел неяркий свет, позволившие мне рассмотреть всё в подробностях. В гостиной на столе стоял недопитый чай в фарфоровой чашке с отколотым краешком. От него всё ещё поднимался едва заметный пар, в котором кружились пылинки. Рядом лежала раскрытая книга, страницы которой чуть шевелил сквозняк. В соседнем окне я увидел включённый телевизор: экран рябил белым шумом, но звук был выключен. Третье окно: в детской на полу были разбросаны кубики, часть их была уже сложена в недостроенный домик. На спинке стула висела детская кофточка. Здесь кто-то был. Буквально секунду назад! Но куда они делись?!

Я отшатнулся от окна, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Мои собственные правила приличия теперь казались мне смешными и нелепыми.

Ускорив шаг, я почти побежал к следующему дому, к следующему окну. Никого. Идеальный порядок. В вазе на столе свежие цветы, явно сорванные совсем недавно. На кухне — тарелка с овсянкой и ложка, лежащая ровно посередине.

Я метался от дома к дому, как безумный, совершенно не заботясь о том, как выгляжу со стороны. Я был бы просто счастлив, если бы кто-нибудь меня увидел, потому что это означало бы, что в этом странном, всё больше пугающем меня городе хоть кто-то есть!

В одном из окон я увидел своё отражение — бледное лицо

с расширенными от ужаса глазами — и на мгновение мне показалось, что за моей спиной в кто-то есть. Тень. Силуэт. Я резко обернулся.

Улица была пуста.

Я остался один, совершенно один в этом мёртвом, застывшем кукольном городе. Паника, ледяными тисками сжимающая грудь, наконец прорвалась наружу глухим, отчаянным стоном. Я сполз по стене дома на мокрую брусчатку и, скорчившись, закрыл лицо руками.

Сколько я так просидел? Пять минут? Час? Время здесь тоже было непривычным, вязким и тягучим. Когда я наконец заставил себя поднять голову, взгляд зацепился за что-то впереди. Я вытер рукавом мокрое лицо и всмотрелся в туман, который снова начал сгущаться по краям площади.

Над крышами приземистых домов возвышалось здание. Два этажа, колонны у входа и широкое крыльцо. Сначала я не понял, что это: видимо, просто ещё одна тёмная громада. Но потом туман отполз в сторону, и я смог прочесть вывеску.

ОТЕЛЬ «ТИШИНА».

Слово «Тишина» было написано витиеватым, старомодным шрифтом, и в другой ситуации я бы счёл это дурновкусием. Но сейчас... сейчас это было похоже на спасательный круг. Я не помню, как поднялся на ноги. Не помню, как дошёл до крыльца. Ноги сами несли меня к свету, лившемуся из окон первого этажа. Это был первый свет в городе, который не казался мне зловещим. Он был тёплым, живым.

Массивная деревянная дверь была приоткрыта, что тоже показалось мне добрым знаком. Изнутри пахло старым деревом, пылью и почему-то — корицей.

Глава 3

Я вошёл в холл отеля и сразу почувствовал, как напряжение, накопившееся за последние минуты или часы — я плохо понимал, сколько времени уже провёл в городе — начало отступать. Оно неохотно разжимало ледяные когти, позволяя сердцу биться в привычном ровном ритме. Где-то в глубине измученного странностями и загадками сознания возникло и стало крепнуть ощущение, что вот теперь-то всё будет хорошо. Найдутся простые и понятные ответы на все вопросы и окажется, что я сам себя напугал придуманными ужасами.

В отеле было тепло и сухо — настоящее благословение после влажной, липкой улицы. Оказывается, я уже успел забыть, как это замечательно, когда к тебе за шиворот не пытаются ежеминутно забраться очередная сырая и промозглая туманная лапа.

Холл был небольшим, но удивительно уютным. Высокий потолок поддерживали деревянные балки, украшенные затейливой резьбой, пол был застелен мягким ковровым покрытием винного оттенка, по которому наверняка приятно было бы пройти босиком. Вдоль стен стояли удобные кожаные кресла, а в углу горел камин, распространяя тепло и запах горящих дров. Все эти мелочи были крайне симпатичными и создавали непередаваемое ощущение домашнего уюта.

Центральное место занимала массивная деревянная стой-

ка ресепшен, выполненная в классическом стиле: чёткие очертания, благородное темное дерево, лак. Поверхность была отполирована до блеска, и на ней аккуратно лежали брошюры то ли с видами города, то ли с рекламой. Там же расположился и журнал регистрации гостей: кожаная обложка, выдавленный вычурный орнамент, металлические застёжки. Я такие раньше только в музеях видел. Не могу сказать, что я такой уж специалист по антиквариату, но то, что этот журнал является раритетом, было понятно даже мне. Рядом стояла лампа с абажуром, излучающая мягкий, приглушённый свет. Не такой неестественно оранжевый, как на улице, а самый обычный.

Но всё это было неважным по сравнению с главным: за столом рядом со стойкой регистрации сидел человек. Я с трудом удержался от того, чтобы не подбежать к нему и не потрогать, дабы убедиться в его реальности. И не важно, что он мог принять меня за сумасшедшего: я не собирался жить в этом странном городе, мне всего-навсего нужна была помощь с машиной. Есть же здесь автосервис, ну хоть какой-нибудь?

— Доброй ночи, — вежливо поздоровался я, жадно рассматривая первого человека, встретившегося мне за сегодняшний вечер и часть ночи, — скажите, пожалуйста, я могу снять номер? Мне всего на одну ночь. Понимаете, у меня сломалась машина неподалёку от вашего города, и я настолько устал, что даже потерял её из виду, представляете?

Так что мне очень хотелось бы принять душ, привести себя в порядок и вздремнуть. Это ведь возможно? Вы принимаете карты или только наличные?

Сидевший за столом мужчина во время моего сумбурного и, наверное, излишне эмоционального монолога спокойно смотрел на меня. Наверное, ждал, пока я выдохнусь и буду в состоянии воспринимать информацию. Это был достаточно пожилой мужчина, на вид лет шестидесяти, худощавый, с аккуратно подстриженными абсолютно седыми волосами и на удивление яркими голубыми глазами. Он доброжелательно улыбнулся мне, но не произнёс ни слова, лишь указал на книгу, лежавшую на стойке.

— Мне самому всё заполнять? — уточнил я. — Просто обычно этим занимаются портье. Но ничего страшного, не вопрос, могу и сам.

Я был согласен почти на что угодно, лишь бы меня не выставили за дверь, в эту осточертевшую мне туманную сырость. Не хочется старику заполнять бумаги? Нет проблем, я не гордый, могу и написать несколько слов, не рассыплюсь.

Щелкнул металлический замок, я перевернул оказавшуюся достаточно увесистой обложку и, взяв ручку, начал заполнять анкету.

Фамилия. Имя. Отчество... Раньше это имело какое-то значение: моё имя было достаточно известным, иногда даже мелькало в сообщениях новостных порталов, а теперь, когда моя прошлая жизнь исчезла, словно стёртая гигант-

ским ластиком, оно, наверное, кроме меня никому уже и не нужно. Да и мне — не факт. Я ведь и уехал, чтобы сбежать от всего, от пустоты, в которую превратилась моя, казалось бы, налаженная и успешная жизнь. Чтобы успешный бизнесмен Александр Юрьевич Мельников навсегда растворился на просторах нашей необъятной страны.

Адрес постоянного проживания... А есть ли он у меня ещё? Квартиру наверняка конфисковали за долги, загородный дом записан на жену, уже, разумеется, бывшую... «Сбитые лётчики» никому не интересны и очень быстро отправляются на свалку истории.

Количество ночей... Одна, естественно! Что тут делать-то, в этом странном городе с нелепым названием Сомбра? Завтра, точнее, уже сегодня отыщу автосервис и доеду с мастером до оставленной на обочине машины. Если поломка не очень глобальная, то отремонтируюсь здесь, а если дело серьёзное, то договорюсь с кем-нибудь насчёт эвакуатора. Наверняка влетит в копеечку, но, к счастью, не последнюю корку без соли доедаю, несмотря ни на что.

А вот дальше странно... За свою жизнь я ездил очень много и в каких только гостиницах ни останавливался, от «Хилтона» до сарайчика с удобствами во дворе. Но таких нелепых вопросов ни в одной анкете никогда не встречал.

Какое ваше любимое время суток? Какой звук вас успокаивает? Какую тень вы видите чаще всего?

Что значит — какую тень? Они что, разные бывают? Бред

какой-то...

Что вы ищете в темноте? Как долго вы можете задерживать дыхание? Видели ли вы свое отражение сегодня?

Интересно, это что, какой-то психологический эксперимент? Нас снимает скрытая камера?

Бойтесь ли вы собственной тени? Что вы делаете, когда слышите шепот? Как вы реагируете на тишину?

Я отложил ручку, решив, что не буду отвечать на эти дебилские вопросы, даже в благодарность за приют.

Закрыв книгу, я посмотрел на портье, если это, конечно, был он, а не один из жильцов. Старик внимательно следил за мной и одобрительно кивнул, когда я закрыл журнал, щёлкнув металлическим замком.

— Ключ дадите?

Он так же, не говоря ни слова, поднялся и неожиданно лёгкой, почти танцующей походкой, совершенно не вязавшейся с его внешностью, подошёл к доске, на которой на гвоздиках висели ключи. Не говоря ни слова, он взял один из них и протянул мне. Может, он просто немой? У нас же сейчас модно принимать на работу людей с ограниченными возможностями здоровья, и это правильно, я и сам иногда так поступал... раньше.

— Номер 13? — уточнил я, взяв ключ и посмотрев на пластиковую бирку, прикреплённую к нему. — Знаете, в некоторых культурах это число считается несчастливим, но я человек не суеверный, так что возражать не стану. Там ведь

есть душ и горячая вода?

Портье улыбнулся, кивнул, но снова ничего не ответил, а просто указал на лестницу.

Поднявшись на второй этаж, я двинулся вдоль ряда одинаковых дверей, за которыми царил абсолютная тишина. Хотя с учётом того, что на дворе была ночь, ничего странного в этом не было.

Я остановился перед нужной дверью, повернул ключ и шагнул внутрь. Комната оказалась просторнее, чем я ожидал. Мягкий свет лампы на тумбочке отбрасывал тёплые блики на стены, создавая ощущение уюта. Интересно, это сработал какой-то фотоэлемент или датчик движения? Не могла же лампа гореть тут постоянно!

Первое, что бросилось в глаза, — это огромная двуспальная кровать с белоснежным покрывалом. Оно было безупречно гладким, без единой складки, словно его только что расправили. На подушке лежала маленькая карточка с надписью: «Добро пожаловать в отель „Тишина“». Карточка была сделана из плотной бумаги, но края её были слегка потрёпаны, словно её использовали уже тысячу раз. Но если подумать: всё-таки не столица, в провинции свои представления об экономии.

Справа располагалось удобное кожаное кресло, а возле него стоял журнальный столик с настольной ещё одной настольной лампой. На столике лежала книга в кожаном переплёте. Я машинально провёл пальцем по корешку и обна-

ружил, что название написано золотыми буквами: «Полный свод правил поведения в Сомбре». Я пожал плечами, но книгу даже открывать не стал: мне не было никакого дела до правил проживания в этом странном городе.

Слева находилась ванная комната, дверь в которую была приоткрыта, и я увидел вполне современную раковину, зеркало и ванну, наполненную пеной. Судя по поднимающемуся пару, вода в ванне была горячей, но кто и когда успел наполнить её водой, осталось загадкой. Как будто кто-то заранее позаботился о моём комфорте.

Не знаю, что заставило меня подойти к плотно задёрнутым шторам, может быть, интуиция, может быть, что-то ещё. Я резким движением раздёрнул их в стороны и выругался вслух, не стесняясь: окна за шторами не было. Зато были глухая стена, карниз и качественные шторы «блэк-аут». Стоит ли добавлять, что на месте двух других окон было то же самое: никакого намёка на окна. Что за странное дизайнерское решение?

Я стоял посреди комнаты, ошарашено глядя на глухую стену вместо очередного окна. Сердце бешено колотилось, а в голове пульсировала одна заезженная фраза: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Но реальность говорила обратное — окна не было. Совсем.

Я постарался себя успокоить: мало ли какие гении современного дизайна тут трудились? Медленно повернувшись, я попытался справиться с зарождающимся страхом. Комна-

та, только что казавшаяся такой уютной, теперь вызывала неконтролируемый страх. Белоснежное покрывало на кровати, которое я раньше воспринял как проявление заботы, теперь виделось мне слишком идеальным, ненастоящим. Я подошел к нему и провел рукой по ткани. Она была гладкой, почти восковой, словно была покрыта слоем лака.

Внезапно мое внимание привлекла тень в углу комнаты. Я готов был спорить на что угодно, но совсем недавно её там не было. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, я постарался заставить себя размышлять логически и не думать о том, что свет от настольной лампы падает таким образом, что тень в том углу никак не может образоваться. Какая бы чертовщина вокруг ни происходила, но основных законов физики и, в частности, оптики никто не отменял.

Я замер, стараясь даже дышать медленнее и тише: а вдруг она меня не заметит? Тень двигалась, медленно ползла по стене, будто живая. И это при том, что я стоял неподвижно, про лампу и говорить нечего. Тем не менее тень, наплевав на все физические и прочие законы, продолжала медленно смещаться в мою сторону.

Тело сковал какой-то первобытный, совершенно иррациональный страх, но разум, как ни странно, работал ясно. Я вспомнил вопросы из анкеты: «Какую тень вы видите чаще всего?» В свете последних событий вопрос переставал казаться идиотским.

Что там ещё спрашивали? Видел ли я сегодня своё отра-

жение? Я решил, что хуже уже не будет, и решительно шагнул в ванную, чтобы посмотреть в зеркало. Наверное, если бы я ничего не увидел, то почти не удивился бы, но зеркало послушно отразило мою бледную встрёпанную физиономию с безумным взглядом. Да уж, красавец, ничего не скажешь!

Я с облегчением выдохнул, но в этот момент услышал тихий шепот. Он раздавался одновременно снизу, сверху, со всех сторон. Голос был мягким, почти нежным, но в нем чувствовалась угроза.

— Ты останешься здесь, — прошептал голос. — Навсегда.

— Да сейчас! Как же! — рявкнул я, решив, что лучше просижу до утра на скамейке в сквере. Ничего страшного, не сахарный, не растаю! А эти психологические эксперименты — это без меня, пожалуйста.

Уже выходя из ванной, я боковым зрением заметил в зеркале какое-то движение и замер, как кролик, внезапно увидевший перегородившего ему дорогу удава. Медленно повернувшись, я какое-то время тупо смотрел на отражение. Нет, моя изрядно потрёпанная физиономия никуда не делась, но дело было в том, что я-отражение улыбался. А я реальный, находящийся в странном номере ещё более странного отеля был испуган и абсолютно серьёзен. Заторможенно я смотрел на то, как моё отражение поправляет воротник куртки, стряхивает с рукава невидимые пылинки и довольно кивает. Оно жило самостоятельной жизнью, совершенно не заботясь о том, что делаю я. А потом взяло и вообще исчез-

ло, словно тот, кто был с той стороны зеркальной поверхности, просто ушёл по каким-то своим зазеркальным делам.

Стараясь держать себя в руках, я подошёл к двери и попробовал её открыть, даже почти не удивившись, когда у меня ничего не получилось. Сил ни на какую реакцию просто не осталось, и я, как был — в куртке и кроссовках — рухнул на кровать поверх покрывала и мгновенно провалился в сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.